

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-4-41-46

МЕСТО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1917–1928 гг.)

Марина Сергеевна Диденко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
mn2303@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли революционного правосознания в регулировании советских общественных отношений в 1917–1928 гг. Автор показывает эволюцию революционного правосознания от временного, рассчитанного на переходный к социализму период, до постоянного источника права. В статье определено место революционного правосознания в системе источников советского права и сделаны выводы о том, что с 1917 по 1920 гг. революционное правосознание выступало главным средством обеспечения единства правотворчества и правоприменения. Трансформированное в начале 20-х годов в социалистическое правосознание, оно сохраняло роль источника советского права и руководящего основания в юридической деятельности советских законодателей и правоприменителей прежде всего судей в течение всего периода существования Советского государства.

Ключевые слова: революционное правосознание, советское право, Советское государство, право, источники права, декреты советской власти, социалистическое правосознание

Для цитирования: Диденко М. С. Место революционного правосознания в системе источников права Советского государства (1917–1928 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 41–46. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-41-46>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE PLACE OF REVOLUTIONARY LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF SOURCES OF LAW OF THE SOVIET STATE (1917–1928)

Marina S. Didenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, mn2303@mail.ru

Abstract. The article is devoted to revealing the role of revolutionary legal consciousness in the regulation of Soviet social relations in 1917–1928. The author shows the evolution of revolutionary legal consciousness from a temporary, designed for a period of transition to socialism, to a permanent source of law. The article determines the place of revolutionary legal consciousness in the system of sources of Soviet law and concludes that from 1917 to 1920 revolutionary legal consciousness was the main means of ensuring the unity of lawmaking and law enforcement. Transformed in the early 20s into socialist legal consciousness, it retained the role of a source of Soviet law and a guiding basis in the legal activities of Soviet legislators and law enforcers, primarily judges, throughout the entire period of the existence of the Soviet state.

Keywords: revolutionary legal consciousness, Soviet law, Soviet state, law, sources of law, decrees of the Soviet government, socialist legal consciousness

For citation: Didenko M. S. The place of revolutionary legal consciousness in the system of sources of law of the Soviet state (1917–1928). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):41–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-41-46>

Взаимосвязь права и правосознания признается всеми российскими научными школами правопонимания. Однако непосредственное осуществление в законодательстве и юридической практике данная взаимосвязь получила только в советский период. Реализация нигилистического подхода к пониманию права, сложившемуся в классическом правоведении и названному советскими юристами «буржуазным», не только наглядно демонстрирует неправовые формы социальной жизни, но и показывает влияние правосознания на воплощение идеи права и ее авторитет в обществе.

Руководители Советского государства опирались на идеалы марксизма-ленинизма, не связанные с построением совершенного правопорядка. Данный идеал исключал ценность государства и права как форм организованного насилия над людьми, средства подавления и угнетения трудящихся, ставших основой общественного строя. Поэтому развитие государственных институтов и учреждений в РСФСР имело временный (до построения коммунизма) характер, нацеливалось на формирование бесклассового общества и связывалось с построением социалистических социально-экономических отношений.

Создание нового уклада общественной жизни активизировало поиск новых форм юридического общения в социалистическом обществе, в том числе и источников их выражения [1, с. 87–90]. Их разработкой в первое десятилетие советской власти занимались представители трех направлений юридической науки: марксистского, социологического и психологического [2, с. 16, 17]. Так, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» утверждал, что соблюдение несложных правил общественного поведения скоро войдет в привычку, так как введение всенародного управления сделает уклонение от его контроля «неимоверно трудным» [3, с. 10].

По мнению В. И. Ленина, возможность действия права на этапе построения коммунизма оправдывается его ролью средства пропаганды коммунистических идей [4, с. 41, 257]. Нормы, «берущиеся из недр братского сотрудничества», будут легко восприняты правосознанием рабочих, что сделает ненужным использование внешних форм принуждения в виде законов.

С точки зрения основателя марксистской школы советского права и создателя теории революционного права П. И. Стучки, право не имеет собственного содержания. Оно определяется характером господствующих в обществе производственных отношений. Революционное сознание не занимало в этой теории ключевого места. Однако П. И. Стучка полагал, что сознание угнетенных масс является важным фактором образования нового права [5, с. 101, 121, 123].

Сторонники психологической школы исходили из понимания права, сформулированного Л. И. Петражицким. Право, как психологическое переживание должно было достигнуть высшей точки развития в массовом правосознании и малейшее отклонение от него вызовет всплеск общественного раздражения, направленного на восстановление нарушенных начал общественной организации, прежде всего права на труд и права на социальное обеспечение [6, с. 20].

Воззрения Л. И. Петражицкого были трансформированы М.А. Рейснером в интересах советского строя. Он полагал, что «реальное право» представляет собой психологию, идеологию и сознание угнетенных классов прежде всего рабочих, поскольку убеждения данных слоев общества соответствуют требованиям правды и справедливости и имеют правовой характер [7, с. 194]. Свои представления о праве как форме политической идеологии он переносил в советские декреты (в частности, в Декрет о суде №1¹), в создании которых принимал непосредственное участие будучи руководителем отдела законодательных предположений Наркомата юстиции.

¹ Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст. 5 // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госиздат, 1957. С. 125.

Представитель социологической юриспруденции П. А. Сорокин, не признавал правильным отказ от идеи права, и тесно связывал право с сознанием субъектов. Для него право выражалось в виде объективных психических явлений, убеждений и поступков человека. Он называл право, содержащееся в кодексах и «бессмысленных изысканиях юристов», мертвым. Вследствие этого П. А. Сорокин, полагал, что «политическая физиономия общества» складывается из убеждений большинства, выраженных в суждениях, поступках, обрядах, организации социально-политических институтов и учреждений [8, с. 42–46].

В условиях отказа от юридической догматики и законодательства свергнутых правительств именно революционное правосознание становится основным источником советского права. Данное утверждение основано на изучении первых декретов советской власти. Так, в Декрете о суде №1 революционное правосознание закреплено в качестве своеобразного фильтра, очищающего советский строй от чуждых ему правил поведения. В качестве последних в Декрете о суде №2 названы Судебные уставы 1864 г. Закрепленные в них судебные порядки использовались советскими судами, но только в том случае, если они «не противоречили правосознанию трудящихся классов». При отмене норм устаревших законов суд должен был мотивировать свой приговор (ст. 8).

Действие революционного правосознания основывалось на приоритете соображений справедливости над формальными требованиями царских законов, не отмененных советскими декретами. Соображения справедливости применялись как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве (ст. 36).

Для революционных трибуналов, выносивших в том числе и расстрельные приговоры, роль революционного правосознания также была основной. Революционное правосознание должно было «подсказать» судьям ревтрибуналов каким образом обеспечить интересы Советского государства при установленных обстоятельствах конкретного дела контрреволюционной направленности.

С начала 20-х годов революционное правосознание становится социалистическим и в законодательстве уступает место основного источника права при рассмотрении судебных споров советским декретам. В частности, в ст. 22 Положения о народном суде закреплялось, что социалистическое правосознание применялось судьями при отсутствии или неполноте декретов Рабоче-Крестьянской власти. Использование законов свергнутых правительств воспрещалось.

В Положении о революционных трибуналах от 27 марта 1920г. в качестве руководящих критериев судей при вынесении приговора указаны установленные обстоятельства дела и интересы пролетарской революции (ст. 24).

Вместе с тем, следует отметить, что в 20-е годы революционное правосознание не только не перестало быть источником права, но и напротив получило развитие в двух направлениях. Во-первых, революционное правосознание содержание которого первоначально выражалось такими абстрактными терминами как интересы революции, интересы пролетарского государства и трудящихся масс получило четкую формулировку в виде программы-минимум партии ВКП(б).

Во-вторых, при решении дела и назначении наказания судья должен был руководствоваться своим социалистическим правосознанием, то есть применении данного источника переносится со стадии установления фактических обстоятельств дела (рассмотрения дела) на момент принятия правоприменительного акта, что придает рассматриваемому источнику права даже большее юридическое значение чем прежде.

Как справедливо отметил Г.М. Португалов «внутреннее содержание декретной нормы» становится «совершенно однородно с содержанием социалистического правосознания» [6, с. 24]. Отличие между социалистическим правосознанием и декретным правом он видел лишь в том, что первое «пребывало в массовом правосознании», а второе – «в законодательной форме» [6, с. 38].

Более того, социалистическое правосознание в иерархии источников права стояло выше нормы декрета. Декрет был всего лишь «оттиском» социалистического правосознания. Так, в ст. 9 Уголовного кодекса РСФСР, действовавшего до 1928 г., закреплялось, что назначение наказания производилось судьями по их социалистическому правосознанию «с соблюдением руководящих начал и статьей Кодекса»¹.

В Уголовном Кодексе РСФСР 1926г. при назначении осужденному мер социальной защиты судья должен был руководствоваться только социалистическим правосознанием с учетом общественной опасности преступления, обстоятельств дела и личности преступника (п. в ст. 45)². При этом закон как источник для принятия судьей решения по делу в рассматриваемом кодексе вообще не упоминался.

Решение дела на основе закона не могло противоречить социалистическому правосознанию, содержание которого определялось программой ВКП(б). Причем указанное преимущество, то есть верховенство социалистического правосознания над законом сохраняется весь советский период. В частности, в ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г.³ закреплено, что суд назначает наказание, руководствуясь социалистическим правосознанием, в пределах статьи уголовного закона.

В Основах гражданского судопроизводства СССР 1961г.⁴, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», действовавшем как руководящее начало в деятельности судей вплоть до 2017 г., перед судами поставлена задача при решении дела руководствоваться законом в соответствии с социалистическим правосознанием⁵.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 "О судебном решении", действие которого не отменено до сегодняшнего дня, социалистическое правосознание и закон указаны как равные по юридическому значению источники принятия решения по делу для судей (п. 1)⁶.

Все вышеизложенное показывает, что утверждение о временности революционного правосознания как источника права государства в переходном состоянии можно легко опровергнуть, опираясь на советское законодательство и судебные акты.

Революционное трансформированное в социалистическое правосознание базировалось на марксистской идеологии. Она получила более конкретное выражение в программных документах коммунистической партии СССР, определявших в свою очередь содержательные пределы социалистического правосознания. Декреты в понимании советских законодателей представляли собой не волеизъявление законодателей, а воплощение в нормативной форме марксистского учения и конкретизацию социалистического правосознания. Тем самым посредством социалистического правосознания в советском законодательстве незримо закреплялся приоритет господствующего политического учения, партийных документов и решений над законом.

¹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922, № 15, ст. 153.

² Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1926, № 80, ст. 600.

³ Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989) "Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" // Ведомости ВС СССР. 1959, N 1, ст. 6.

⁴ Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 07.01.1988) "Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик" // Ведомости ВС СССР", 1961, N 50, ст. 526.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 N 2 (ред. от 18.04.1986) "О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел" // Бюллетень Верховного Суда СССР", N 3, 1963.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 N 7 "О судебном решении" // Бюллетень Верховного Суда СССР. N 4, 1982.

Проведенный анализ трудов советских юристов и декретов первого десятилетия советской власти в аспекте выявления места революционного правосознания в системе источников права позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, революционное правосознание признавалось основным источником права с 1917 по 1920 гг., что объяснялось разрывом с прежней дореволюционной правовой традицией, дискусионностью в советской юридической науке вопросов о возможности построения социалистического строя без использования позитивного права, о роли законодательства при советском строе и его соотношении с государством, а также пробельностью декретного права указанного периода.

Революционное правосознание можно рассматривать и в качестве временного способа разрушения устоев прежнего государственного строя и оперативного формирования основ новой юридической надстройки Советского государства, находящегося в переходном состоянии.

На данном этапе революционное правосознание выступало главным средством обеспечения единства правотворчества и правоприменения. В области правотворчества оно создавало идейную взаимосвязь разнообразных несистематизированных декретов. Для правоприменителей прежде всего судей народных судов и революционных трибуналов, реализовывавших в том числе и меры чрезвычайной репрессии, революционное правосознание стало руководством для оценки фактических обстоятельств дела и уяснения внутреннего содержания советских декретов. Фактически судья и законодатель на данном этапе развития советской юридической практики сливались в одном лице.

Во-вторых, революционное правосознание не получило должного научного обоснования и разграничения с такими используемыми в качестве синонимических понятий как «революционная совесть», «революционная справедливость», «революционная целесообразность». Законодательное определение «революционного правосознания» отличается терминологической латентностью. В советских декретах данный источник права определялся разнообразными терминами: «правосознание трудящихся масс», «революционное коммунистическое правосознание», «революционно-социалистическое правосознание» и др. Анализ их нормативного изложения и толкования в трудах советских юристов позволяет утверждать, что все эти термины имели единое содержание.

Принципиальное отличие революционного правосознания от социалистического состоит в том, что оно творилось волей всего трудящегося народа в интересах революции, что придавало ему черты разрозненности. В то время как социалистическое правосознание имело доктринальное обоснование в марксистской теории научного социализма и базировалось на программных документах коммунистической партии. Оно также носило массовый характер, но охватывало круг лиц, разделявших идеалы марксизма-ленинизма.

В-третьих, революционное правосознание, трансформированное в начале 20-х годов в социалистическое правосознание, сохраняло роль источника советского права и руководящего основания в юридической деятельности советских законодателей и правоприменителей прежде всего судей в течение всего периода существования Советского государства.

Разрыв с выработанными в XIX – начале XX века общими положениями права требовал выработки новых идей для составления декретов и реализации их положений на практике. Источником таких идей стала теория научного социализма, а инструментом формирования на их основе положений и принципов законодательства, их последовательного развития и толкования в духе данной идеи стало советское законодательство, воспринимавшееся как авторитетный путеводитель по социалистическому правосознанию.

Список источников

1. Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юристъ-Правоведъ, 2008. № 3 (28). С. 87–92.
2. Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20-30-х годов XX века как попытка юридикации неправовой реальности // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 16–20.

3. Ленин В. И. Государство и революция. Пгр., 1919. 120 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27.
5. Стучка П.И. Революционная роль советского права. М., Государственное законодательство советское законодательство, 1934. 178 с.
6. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. 52 с.
7. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. – М.: Государственное издательство, 1925. 276 с.
8. Сорокин П. А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. 236 с.

References

1. Shatkovskaya T. V. The place of customary law in the regulation of land relations in the early years of Soviet power (1917– 1922). *Yurist-Pravoved*. 2008;3(28):87–92. (In Russ.)
2. Shatkovskaya T. V. Theoretical constructions of Soviet jurists in the 0- 0s of the XX century as an attempt to legalize non-legal reality. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2021;8(4):16–20. (In Russ.)
3. Lenin V. I. *State and Revolution*. Petrograd: 1919. 120 p. (In Russ.)
4. Lenin V. I. *Complete Works*. Т. 27. (In Russ.)
5. Stuchka P. I. *The revolutionary role of Soviet law*. Moscow: State legislation Soviet legislation; 1934. 178 p. (In Russ.)
6. Portugalov G. M. *Revolutionary conscience and socialist legal consciousness*. Petersburg, 1922. 52 p. (In Russ.)
7. Reisner M. A. *Right. Our right. Someone else's right. Common law*. Leningrad–Moscow: State Publishing House, 1925. 276 p. (In Russ.)
8. Sorokin P. A. *Elementary textbook on the theory of law in connection with the theory of the state*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2009. 236 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. С. Диденко – ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии РГЭУ(РИНХ).

Information about the author

M. S. Didenko – Assistant of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Criminology of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 06.12.2022.